

В. Н. Надтасаев

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.): ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СУБЪЕКТЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Понятие *военно-политическая обстановка (ВПО)* относится к категории, наиболее часто используемой в исследованиях военно-политических процессов. Например, в военных доктринах ряда государств оценке и прогнозированию ВПО придается важное значение.

Положения Военной доктрины Республики Беларусь (2024 г.) базируются на результатах оценки военно-политической обстановки в мире и Европейском регионе, прогнозе ее развития, научных исследованиях в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также на опыте военного строительства и применения военной силы в современных условиях.

ВПО раскрыта как «совокупность условий и факторов, определяющих уровень военной опасности и формирующихся в результате деятельности государств (коалиций государств), а также негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации (далее, если не определено иное, – негосударственные субъекты), и характеризующих вероятность, интенсивность и масштаб использования ими военной силы (средств вооруженной борьбы) на текущий момент времени» [1].

В Военной доктрине Украины (2015 г.) данный термин трактуется как «составление военно-политических отношений в определенный момент (определенный период)». А категория «военно-политические отношения», в свою очередь, определена как «совокупность намерений и действий сторон (госу-

дарств, коалиций государств, международных корпораций, политических партий, общественных движений), направленных на достижение собственных интересов с применением военных инструментов вместе с другими имеющимися инструментами в политической, военной, экономической и других сферах жизнедеятельности» [2].

В Военной доктрине Российской Федерации (2014 г.) дефиниция термина отсутствует. При этом подчеркивается важность задачи по оценке и прогнозированию развития военно-политической обстановки на глобальном и региональном уровнях [3].

Анализ содержащихся в вышеприведенных документах трактовок позволяет выделить общие признаки, характеризующие ВПО. К ним относятся:

1. Стороны (субъекты) международного права и негосударственные субъекты, имеющие собственные интересы и цели.
2. Наличие у субъектов военной силы (военной организации) и воля их применить.
3. Масштаб (глобальный, региональный).
4. Территория (географический район, страна, регион, театр военных действий (ТВД), на котором происходит столкновение интересов.
5. Период времени.

Не менее широкое распространение получил термин *оперативная обстановка*, используемый в настоящее время органами государственной власти, различными министерствами и ведомствами (Генеральной прокуратурой, МО, МВД, КГБ, МЧС, ГПК, ГТК, Министерством здравоохранения, транспорта и другими), в авиации и атомной энергетике (БелАЭС), в речном хозяйстве Республики Беларусь. Как результат – поливариантность трактовок.

Надо сказать, что указанные термины часто встречаются в работах по истории Великой Отечественной войны и партизанского движения. При этом само определение понятий отсутствует. А в тех редких случаях (о чем ниже), когда встречаются дефиниции, возникают вопросы к их качеству.

Объектом нашего интереса являются военно-политическая и оперативная обстановка на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг., субъекты отношений и их взаимосвязи. Начнем с того, что в буквальном смысле слова лежит на поверхности. Указанные категории содержат общий родовой (обстановка) и разные видовые (военно-политическая и оперативная) признаки. Далее обратимся к «Военному энциклопедическому словарю», в котором, на мой взгляд, дана универсальная дефиниция термина *обстановка*. Под ней понимается «совокупность факторов и условий, в которых осуществляются подготовка и ведение операции (боя)» [4, с. 499]. Слова *операция* и *бой*, выражаясь образно, являются переменными величинами. При необходимости их можно легко заменить другими понятиями.

Противоборствующие стороны нам известны. В изданной в советский период книге «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» они представлены следующим образом: «В годы войны терри-

тория Белоруссии являлась не только объектом противостояния оккупантов и советских патриотов, но объектом пристального внимания польских, украинских, литовских и латвийских националистических сил» [5, с. 371].

Сегодня можно называть вещи своими именами. Под «объектом пристального внимания» следует понимать вооруженную борьбу, которую вели вышеперечисленные «националистические силы», в первую очередь, против советских партизан и подпольщиков, а после освобождения республики – против советской власти, а на практике, чаще всего, против мирных граждан, включая женщин и детей. При этом заметим, что «литовские и латвийские националистические силы» не играли значимой роли на оккупированной территории БССР. Но была еще одна сторона, о которой в советский период упоминалось значительно реже.

Исходя из вышеизложенного, выделим основные группы субъектов военно-политических отношений (противоборствующие стороны):

1. Подпольные областные и районные комитеты партии, партизанские формирования, включая отряды и группы органов госбезопасности, а также военной разведки, партийные, комсомольско-молодежные и антифашистские подпольные организации.

2. Оккупационные (гражданские и военные) органы управления, военные и полицейские формирования, айнзатцгруппы СС, органы и подразделения полиции безопасности и СД, Абвера, тайной полевой полиции (ГФП) и другие.

3. Военные формирования и подпольные структуры Армии Крайовой.

4. Незаконные вооруженные формирования и подпольные структуры ОУН – УПА.

К этому перечню под № 5 добавим прогерманские политические организации и вооруженные формирования белорусских коллаборационистов.

Каждая из вышеназванных групп преследовала свои интересы и по-своему видела будущее политическое и административно-территориальное устройство Беларуси. Для достижения поставленных целей всеми без исключения сторонами военно-политических отношений использовались военная сила, вооруженные, насильтственные и специальные методы.

Добавим одно очень важное обстоятельство: из всех перечисленных субъектов ВПО только две группы – советские партизаны и германские оккупационные органы власти – были представлены государствами, т. е. субъектами международного права. В очередной раз исчезнувшая с политической карты мира Польша – правительством в изгнании, нашедшем приют в Великобритании и также обладавшим правом заключения международных договоров. Две последние группы негосударственных субъектов, несмотря на свои амбиции, на политическую субъектность ни тогда (1941–1944), ни в будущем рассчитывать не могли. И спустя годы, если посмотреть на современные реалии, то мы увидим, что «бандеровский» путь развития Украины ничего кроме разрушения государственности, горя и разрухи не несет.

Представление об оценке немцами своих помощников из 5-й группы дает справка полиции безопасности и СД (1942 г.) «О национальном вопросе в Белоруссии»: «В городе лучшие силы служили коммунизму и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик» [6, с. 52].

Указанная группа (№ 5) могла проводить «свою национальную политику», не выходя за рамки интересов оккупационных властей, только в генеральном округе «Вайсрутения». Генеральный комиссар В. Кубе считал допустимым использование белорусских националистов для решения тактических задач. После ликвидации Кубе минскими подпольщиками использование этой категории в интересах Германии продолжилось при фон Готтберге, но уже совершенно по другим причинам, связанным с изменением военно-стратегической обстановки, в первую очередь, на советско-германском фронте.

С точки зрения кибернетики ВПО на оккупированной территории Беларуси представляла собой сложную динамичную систему, характер которой определяли взаимоотношения между пятью основными элементами в лице вышеуказанных групп субъектов политики. Рассмотрение военно-политических отношений между ними выходит за рамки данного исследования.

Исходя из вышеизложенного, предложим свою интерпретацию термина ВПО. *Военно-политическая обстановка* на оккупированной территории Беларуси представляла собой совокупность условий и факторов, включая общественную и природную среду, оказывающих влияние на деятельность субъектов военно-политических отношений, преследующих собственные интересы и применяющих по отношению друг к другу военную силу, вооруженные, насилиственные и специальные методы.

Перейдем к рассмотрению термина *оперативная обстановка*. В ходе изучения историографии вопроса выяснилось, что, несмотря на частое употребление, данная дефиниция осталась вне поля зрения исследователей. Исключение составляет публикация А. Ю. Попова, в которой автор попытался ответить на этот вопрос. По его мнению, «под оперативной обстановкой (в документах изучаемого периода – агентурной) понималось положение страны (области, района, села) с точки зрения возможности ведения агентурной разведывательной работы на данной территории, или, иначе говоря, совокупность условий и особенностей, благоприятствующих и не препятствующих деятельности агентурной разведки. Оперативная обстановка слагалась из элементов, характеризующих театр оперативных действий, а также противника. Поэтому при ее изучении все вопросы рас-сматривались с точки зрения возможности ведения агентурной разведки» [7, с. 68–69].

Действительно, в документах военного периода термин *оперативная обстановка* не встречается – это конструкт более позднего времени. Судя по отсутствию соответствующей сноски в тексте книги, вышеприведенная ци-

тата отражает личное мнение автора. На мой взгляд, данный тезис вызывает вопросы. Во-первых, почему выделен только один субъект в лице противника? Во-вторых, при оценке обстановки следует также обращать внимание на неблагоприятные факторы и условия. В-третьих, что такое «театр оперативных действий»?

На примере архивного документа «Материалы по агентурной обстановке на территории СССР, временно оккупированной немцами» (февраль 1942 г.) можно составить представление о вопросах, интересующих советскую военную разведку. В их числе:

1. Административное устройство (административное деление, органы верховного управления, верховные правители).
2. Организация власти на местах.
3. Экономическое положение.
4. Паспортные условия и легализационные возможности.
5. Передвижение по оккупированной территории.
6. Политический режим на оккупированных территориях.

Обратим внимание на один важный нюанс. В документе отмечено, что нет единой агентурной обстановки, характерной для всех областей, оккупированных немцами. Более того, «даже внутри этих областей и районов нет единого порядка, единых органов власти, условий проживания» [8, л. 1–7].

Германская разведка также уделяла такого рода вопросам серьезное внимание. Например, в ходе начавшейся в 1938 г. реорганизации Абвера были уточнены единые подходы к изучению обстановки на территории страны-противника. Германская разведка собирала сведения по следующим позициям:

1. Общая характеристика страны. Расположение границы, территории. Основные исторические сведения. Структура государственных и местных учреждений.
2. Географическая характеристика страны. Рельеф местности, почвы, климат, водные источники.
3. Население. Язык. Национальная классификация. Положение национальных меньшинств. Участие их представителей в государственных и общественных институтах. Политические партии. Средства массовой информации.
4. Экономика страны. Промышленное производство. Торговля. Сельское хозяйство. Ремесло. Транспортная инфраструктура.
5. Военная география. Топография отдельных участков местности.
6. Состояние видов вооруженных сил. Структура военного управления. Боевое расписание сухопутных войск, ВМС, BBC. Места дислокации частей и соединений противника. Их численный состав. Количество и характеристика вооружения. Система тылового обеспечения.
7. Специальные дополнения. Биографические сведения и характеристики на ведущих политических и военных деятелей страны противника. Детальные списки (в виде приложений) объектов промышленности, транспорта, связи. Их характеристики [9, с. 23–24].

Как видим, общественная и природная среда страны (объект интереса) находились в фокусе внимания спецслужб Германии.

В период войны партизанская разведка и контрразведка собирали сведения об оккупационных органах управления, воинских и полицейских формированиях, спецслужбах противника, их планах, о проводимой ими политике по отношению к населению и т. д. В свою очередь, органы Абвера, ГФП, полиции безопасности и СД интересовала информация о партизанских формированиях, советской разведке и подполье, вовлеченности населения в антифашистскую борьбу. Значительное количество документов, подтверждающих вышесказанное, хранится в Национально архиве Республики Беларусь, областных и зональных архивах.

Продолжим рассмотрение тезиса А. Ю. Попова. Уточним, он говорит об оперативной обстановке в зоне действия партизанских формирований, т. е. на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Советского Союза. В таком случае логично предположить, что театр оперативных действий и зона действия партизанских формирований имели свои локации. Как они соотносились? Поиск ответа, автор на сей счет умолчал, представляется сложной задачей, учитывая, что единой зоны действий партизанских формирований на оккупированной территории СССР не существовало.

Констатируем, введенные А. Ю. Поповым в оборот понятия *театр оперативных действий* и *зона партизанских действий* остались нераскрытыми. По этому поводу заметим, что в советской, а в настоящее время в белорусской и российской историографии, принято использовать термины *партизанская зона*, *партизанский край*, *театр военных действий* (ТВД), в зарубежной – родственный термин – *театр войны* («Theater of war» или «Area of war»).

Противоречивое впечатление оставляет и следующий абзац: «В зависимости от того, как менялась обстановка на фронте, менялась и оперативная обстановка. Она была нестабильной, так как ее важнейшие элементы (военные действия, политика, экономика и др.) находились в непрерывном движении и изменении» [7, с. 70].

Согласимся с тем, что положение дел на фронте оказывает влияние на оперативную обстановку на оккупированной территории. Дополним, на военно-политическую обстановку также. Но поставим под сомнение утверждение автора о том, что важнейшими элементами оперативной обстановки в зоне действия партизанских формирований можно считать военные действия, политику и экономику.

Представляется, что озвученные А. Ю. Поповым «элементы» имеют отношение к военно-политической обстановке в целом, а не к зонам действий партизанских формирований. В классическом понимании военные действия – это противоборство сторон в войне. Или организованное применение сил и средств для выполнения поставленных боевых задач частями, соединениями, объединениями всех видов вооруженных сил. Термин *военные действия* обычно применяется к действиям стратегического масштаба, к действиям оперативно-тактического масштаба – боевые действия [4, с. 146].

Исследователь В. И. Боярский считает, что при анализе военно-стратегической обстановки всегда нужно всесторонне оценить оперативную обстановку, силы и средства противника, определить характер и вероятные способы его действий, выявить слабые и сильные стороны, свои силы и средства, физико-географические условия местности и т. д. [10, с. 470].

С военной точки зрения, обстановка может быть тактической (боевой), оперативной или стратегической [11, с. 672]. В данном случае видовые признаки – тактическая, оперативная, стратегическая – показывают масштаб. Возможно, автор вкладывал иной смысл в понятие *оперативная обстановка*, но никак не оговорил это обстоятельство. Следует понимать, что военное командование и руководство спецслужб по-своему трактуют данный термин.

Выделим группы субъектов оперативных отношений на оккупированной территории Беларуси. Под ними мы подразумеваем органы и формирования, имеющие право проведения агентурно-оперативной деятельности. К ним относятся:

1. Оперативно-чекистские группы НКВД (НКГБ) БССР – СССР, особые отделы и разведаппараты партизанских формирований, спецгруппы ГРУ и ГУКР НКО «Смерш».

2. Разведотделы штабов от полка и выше, полевых и местных комендатур, команды и группы, филиалы Абвера, подразделения тайной полевой полиции (ГФП), полевой жандармерии, охранной полиции, вспомогательной полиции, жандармерии, таможни, пограничной охраны, командиры (или уполномоченные ими лица) охранных, полицейских, «восточных» и прочих добровольческих батальонов, разведгруппы айнзатцгрупп СС, органы полиции безопасности и СД, разведгруппы боевых групп СС (на период проведения карательных операций).

Рассмотрение субъектов оперативных отношений других групп в рамках данной статьи не предусмотрено. К тому же, надо признать, что структура и деятельность указанных акторов на оккупированной территории республики практически не изучена.

В широком смысле слова субъекты оперативных отношений преследовали те же интересы, что и стороны военно-политических связей, и также использовали вооруженные и насилиственные методы, военную силу для достижения поставленных перед ними задач.

Выделим как особенность тот факт, что борьба (как процесс) органов госбезопасности на оккупированной территории являлась составной частью партизанской борьбы. Отсюда общие и для партизан, и для чекистов, а также военной разведки направления деятельности: разведка (войсковая и агентурная), контрразведывательная, диверсионная, террористическая и пропагандистская деятельность. Исключение составляли немногочисленные группы военной контрразведки «Смерш», забрасываемые на оккупированную территорию с задачами сугубо контрразведывательного характера.

Таким образом, по аналогии с дефиницией ВПО можно предложить следующее определение понятия *оперативная обстановка*: «совокупность условий и факторов, включая общественную и природную среду, формирующихся на оккупированной территории Беларуси и оказывающих влияние на деятельность субъектов оперативных отношений, применяющих по отношению друг к другу военную силу, вооруженные, насильтственные и специальные методы». Строго говоря, оперативная обстановка влияет на деятельность всех субъектов отношений и наоборот. Соответственно все стороны оперативной обстановки стремятся изменить ее в свою пользу.

Мы пришли к следующим выводам:

1. Оперативную обстановку на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) следует рассматривать как составляющую ВПО.

2. Для субъектов ВПО и оперативной обстановки характерен иерархический принцип построения связей внутри каждой из противоборствующих сторон. Субъекты оперативных отношений являются одновременно составной и подчиненной частью сторон военно-политических связей. Видовые различия между ними выражены через качественные свойства субъектов.

3. Изменение военно-стратегической обстановки на советско-германском фронте непосредственным образом отражалось на военно-политической и оперативной обстановке на оккупированной территории Беларуси.

В год «коренного перелома», начавшегося с разгрома немецко-фашистской группировки в Сталинградской битве и завершившегося форсированием Днепра, общая численность белорусских партизанских отрядов выросла с 378 (январь 1943 г.) до 784 (сентябрь 1943 г.; начало освобождения Беларуси), а бригад – с 62 до 128 [12, с. 21]. Следовательно, увеличилось количество бригадных особых отделов (аппаратов заместителей комбригов по контрразведке и разведке).

Но это количественные показатели. О качестве говорят следующие факты:

1) увеличение площади, контролируемой партизанами (60 % к концу 2-го этапа партизанской борьбы);

2) участие в этапах «Рельсовой войны», каждый из которых был «привязан» к конкретной стратегической операции советских войск;

3) участие белорусских партизанских формирований в операциях советских войск по освобождению восточных районов Беларуси и в грандиозной по своему масштабу Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион».

На оккупированной территории Беларуси никакой линии фронта в военном понимании этого термина не существовало. Полем боя без преувеличений можно было считать каждый город и сельский населенный пункт. Очевидно, что для белорусских партизан и подпольщиков процесс борьбы протекал в строго очерченных временных границах – июль 1941 – июль 1944 гг. После освобождения республики партизанские отряды и бригады были расформированы.

Особенность противоборства сторон заключалась еще и в том, что вооруженная борьба, хотя и в значительно меньших масштабах, продолжилась после завершения Великой Отечественной войны. Органы госбезопасности совместно с частями внутренних войск и пограничниками продолжили борьбу с подпольем и вооруженными формированиями Армии Крайовой¹, ОУН – УПА, агентурой германских спецслужб, оставленными на территории Беларуси. В частности, с декабря 1944 по март 1945 г. в западных областях БССР действовали три оперативные группы под командованием Героев Советского Союза Е. И. Мирковского, А. Н. Шихова и С. А. Ваупшасова, в задачу которых входило выявление и нейтрализация незаконных националистических вооруженных формирований [13, с. 245].

В первые послевоенные годы военно-политическая и оперативная обстановка в западных областях Беларуси оставалась сложной. Противоборство сторон носило ожесточенный характер. Об актуальности данного тезиса свидетельствуют не только многочисленные публикации, художественные и документальные фильмы, но и факт возбуждения Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0006> (дата обращения: 26.05.2025).
2. Военная доктрина Украины. – URL: <https://president.gov.ua/documents/5552015-19443> (дата обращения: 14.09.2022).
3. Военная доктрина Российской Федерации / Комментарии Российской газеты. – Федеральный выпуск № 298 (6570). – 30 декабря 2014. – URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 30.11.2020).
4. Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. Н. В. Огаркова. – М. : Воениздат, 1983. – 863 с. с ил., 30 л. ил.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. – М. : Воениздат, 1961–1965. – Т. 4. – 1962. – 726 с.
6. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1959) / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. – М. : Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
7. Попов, А. Ю. НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с. : ил. – (Архив).
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 197.

¹ Приказ о расформировании Армии Крайовой вышел 19.01.1945. Однако, на практике, многие подразделения отказались от выполнения приказа и продолжили вооруженную и подпольную борьбу, перейдя на нелегальное положение. – В. Н.

9. *Черенин, О. В. Шпионский Кенигсберг. Органы и операции спецслужб Германии, Польши и СССР в Восточной Пруссии: 1924–1942 гг. / О. В. Черенин. – Калининград : Янтарный сказ, 2010. – 256 с., ил.*
10. *Боярский, В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк / В. И. Боярский. – М. : Издат. дом «Граница», 2003. – 478 с.*
11. *Советская Военная Энциклопедия : в 8 т. / пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огаркова. – М. : Воениздат, 1976–1980. – Т. 5. – 1978. – 688 с., ил.*
12. *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков, Е. П. Горелик, А. Ф. Марков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.*
13. *Кез, И. В. Руководствуясь военным положением: Спецгруппы НКГБ БССР в тылу врага. Западная Белоруссия – 1941–1944 гг. / И. В. Кез. – Брест : Альтернатива, 2017. – 296 с. : [ил] – с. 245.*